

Священник. Гражданин. Патриот

Человек, о котором хочу рассказать на страницах газеты, относится к категории тех, о ком редко вспоминают в средствах массовой информации. Разве что в последние годы... Ну, а прежде об этих людях практически никогда не писали. А если и писали, то далеко не в положительном плане. Достаточно вспомнить поэта Демьяна Бедного, белорусского драматурга и баснописца Кондрата Крапиву, Александр Блок в своей поэме «Двенадцать» также довольно непочтительно обращается к священнослужителю: «Что нынче невеселый, товарищ поп? Помнишь, как бывало брюхом шёл вперёд, и крепостом сияло брюхо на народ?!»

Безусловно, не на пустом месте родились и закрепились в нашей речи разнообразные пословицы и поговорки о служителях культуры — «руки загребушие, глаза завидушие» и т. д. Только думается, что род занятий, профессия не определяют духовное начало человека, его внутренний мир. Действительно, есть и среди церковной братии те, кто пошёл в священники из соображений материального плана. Но большинство, на мой взгляд, заслуживают уважения. И не только среди верующих.

Вот и многие старожили из числа жителей Лиозно помнят священника Свято-Вознесенской церкви, в которой он прослужил около трёх десятков лет, — отца Савелия. Это культовое учреждение, как известно, было закрыто в 30-е годы и затем поочередно становилось Домом культуры, кинотеатром, клубом и т. п. В первые же дни оккупации района фашисты, стараясь снискать к себе расположение и авторитет у советских людей, приняли добровольно возродить храмы. Так, в конце июля 1941 года вновь была открыта и начала принимать прихожан наша Свято-Вознесенская церковь. Прибыл из Витебска священник — Савелий Титов. По слухам, он получил духовное образование в Ленинграде, там же и служил, а летом 41-го приехал на родину, в Витебск, где и застала его война. Было ему около шестидесяти. Худощавый, среднего роста, очень подвижный, обладал сильным голосом. Поселился он с женой и дочерью Тamarой на улице Колышанской (ныне — улица Фомина). И сейчас там, в самом начале улицы, стоит тот невзрачный, по нынешним временам, домишко, где жила эта семья.

Откуда-то прибыл и диакон: высокого роста, солидный брюнет, лет пятидесяти. От его голоса, столь же сильного, как у Шаляпина, дрожали стены храма. Как в

прежние времена, сюда потянулись верующие. Молодёжь тоже начала посещать церковь. Причём, вначале, скорее всего, из любопытства, потом — чтобы послушать удивительный по своей неповторимости голос диакона и слаженное пение хора. Отец Савелий разыскал всех, кто пел в хоре до закрытия церкви. Эти люди составили новый, профессиональный коллектив. Среди них были местные жители Томашов, Анна Сергеевна Глушакова, Анна Поликарповна Мещова, Арина Шашкова, Мария Карловна Алексейченко, Мария Тарасовна Ковалёва и другие прихожане. Уже после освобождения райцентра в октябре 1943 года в хор влились инвалид Великой Отечественной войны Авраам Воробьёв и Василий Шилов. Каждый из них бесплатно, по потребности души пел в церкви до своих последних дней.

Фашисты, конечно же, не подозревали, что, открыв в Лиозно культовое учреждение, они тем самым навредят себе. Поскольку церковь стала местом, где получила возможность встречаться молодёжь не только горпосёлка, но и всего района. Для этого достаточно было обзавестись пропуском, а его можно было заполучить у свих людей, которые работали по заданию на бирже труда и в других ведомствах. Некоторые девушки и юноши из отдалённых деревень нередко добирались сюда и без пропусков. Многих постовых можно было без труда миновать, произнося слово «кирхе» (церковь) и крестясь при этом. Немец обычно повторял: «Кирхе — это гут» и без возражений пропускал дальше. Молодые люди собирались сюда отнюдь не только из-за желания приобщиться к Богу, послушать красивое пение или же посмотреть на невиданный ранее обряд венчания. В церкви встречались партизанские связные из окрестных деревень, да и сами народные мстители могли здесь получить или передать листовки, различные письменные или устные донесения.

Некоторые из числа молодёжи именно в храме услышали предложение вступить в партизанский отряд. Так, к примеру, было с братьями Прокопенко. К сожалению, память не сохранила фамилии других отважных патриотов, рывавших желание с оружием в руках бороться с врагом. А многое до сих пор остаётся неизвестным. Поговаривали, что и священник, и диакон были также каким-то образом связаны с людьми, приходившими из леса. Наряду со своими обязанностями священнослужителей они выполняли одновременно и определённые задания. Есть основание верить такому предположению. Подтверждением тому может служить следующий эпизод.

В воскресный день лета 1942 года в церкви собралось много народа:

женщины, старики, дети, молодёжь. Во время литургии из толпы присутствующих отделились двое мужчин (их никто не узнал). Быстрым шагом подошли к священнику, они что-то ему тихо сказали и все втроем направились в алтарь. Понимающие ход литургии, досконально знающие этот обряд, были немало удивлены такому повороту событий. Но никакого замешательства не произошло, хор продолжал своё песнопение. Отец Савелий вышел из алтаря один и провозгласил то, что он часто делал в течение всей службы: «Ещё молимся о стране нашей многострадальной, о властях и воинстве её». Хор снова запел, и служба пошла в установленном порядке. Незнакомцы из алтаря так и не вышли. Зато среди молящихся вскоре появились двое жандармов и полиция, начали шнырять по толпе, внимательно присматриваясь к присутствующим, в особенности, к мужчинам. Затем подошли к отцу Савелию и приказали приостановить службу, что он и сделал, и повёл их в алтарь. Церковь замерла. Ситуация стала ясной для всех, и у каждого была одна мысль: не нашли бы. Из алтаря вышли в том же составе. Затем «гости» проследовали за священником в боковую комнату, что находилась за клиросом, оттуда также вышли ни с чем. Отец Савелий осенил их крестом, произнёс: «Благослови вас Господь. Ищите и обрящете (т. е. найдёте)». Служба продолжалась, но каждый присутствующий думал о судьбе тех, не вышедших из алтаря. Служба окончилась.

Все выходили из храма притихшие, унося с собой великую тайну и пример бесстрашного служения своему народу, Родине. Столько людей были свидетелями этого события, но это не должно до ушей оккупантов и прислужников.

В горпосёлке, как и вообще на оккупированной территории, было введено военное положение: выйти из Лиозно в какую-либо деревню или войти в райцентр можно было только с пропуском в руках. В полицию кто-то сообщил, что на базаре видели людей из партизанской зоны, т. е. народных мстителей. Но и те в свою очередь узнали, что немцы и полиция, возможно, их выслеживают. Гостям из леса удалось ускользнуть от облавы. Каким-то образом они очутились в церкви. И именно солидарность находящихся там прихожан и патриотизм священнослужителя спасли партизан от неминуемого ареста.

М. ЕРМОЛАЕВА,
учительница-пенсионерка.
(Начало)

Продолжение следует).

(Продолжение. Начало в № 2).

Когда фашисты почувствовали, что им придётся отступить, то закрыли церковь и стали готовить её под конюшню для своих лошадей. Здесь, в основном по деревням и в Лиозно, дислоцировались конные обозы. Если не уберечь лошадей, то на себе не увезёшь фугоны с награбленным за время хозяйничанья добром. Это враги понимали твёрдо. А стены церкви — надёжная крепость: их не смогут пробить не только пулемётные очереди, но и осколки бомб и снарядов.

После освобождения района от немецко-фашистских захватчиков в октябре 1943 года данное здание перестало быть храмом. Там снова разместился клуб, кинотеатр, библиотека. Немало трудов стоило людям очистить эти настрадавшиеся «Авчиевы конюшни». Все ещё раз смогли увидеть подлинное лицо вражеских «освободителей», которые так «искренне» ратовали за открытие храма, а по сути дела сами, без чьего-то либо ходатайства, его открыли и впоследствии так невиданно оскорвили. Достаточно сказать, что в качестве отхожого места они облюбовали алтарь. Разве это не чудовищно?

Выдавшие виды старики чистили и убирали это священное место, щадя молодых, которые со слезами на глазах упрашивали фашистов посылать их на любую другую, самую тяжёлую работу, но только не в церковь.

Супруги Титовы при отступлении

немец не пожелали отступить вместе с врагом и не ушли в лес, как это сделало большинство жителей Лиозно. Они остались в своём доме. У обоих было страшное недомогание. Только что скорчили дочь Тамару, которую сбила автомашина на шоссе недалеко от того места, где они жили.

Уже после освобождения райцентра один из мужчин, что работал на уборке церкви, пришёл как-то навестить отца Савелия. Он и рассказал о том, что происходит в храме. Превозмогая свои страдания и болезни, священник вдохновил пастува на возрождение святого места. А впоследствии ходил туда ежедневно, пока все здание не было очищено от развалин.

Представители местной власти поблагодарили стариков за проделанную ими работу, но и тут же их разочаровали, сказав, что это здание не будет больше использоваться как храм, так как оно нужно для других целей.

Секретарь райкома партии послал гонца за Титовым, и тот вскоре явился. Диалог между ними был коротким:

— Ну что же ты, батюшка, прислуживал немцам, а теперь и нам готов служить? Выходит, что ты — слуга двух господ? Надо заметить, что Савелий Титов был образованным человеком и поэтому, также прибегнув к познаниям в литературе, ответил собеседнику:

— Вспомни слова известного Чацкого: «Служить бы рад — прислуживаться тошно». Да, я — слуга, но слуга одному Господу Богу. Если я служил во благо

людей, то и служить буду.

С этими словами он ушёл, не надеясь на то, что когда-нибудь снова возвратит свой прежний статус. Но через некоторое время за отцом Савелием вновь пришёл гонец из уже известного места. На этот раз беседа была продолжительной и более насыщенной. Представитель местной власти поздоровался со священнослужителем за руку и предложил сесть. Начал с вопроса:

— Что же ты, Титов, не рассказал мне ничего о себе в предыдущую встречу. Мне недавно сообщили, что ты не просто поп, а героический поп. Если ты и впредь будешь так себя вести в отношении к власти, то иди и служи впредь и дальше. Только церковь мы тебе не отдадим, она нужна нам.

— А где же мне служить? Куда идти? — А это уж твоё дело.

Подумав, отец Савелий решил открыть церковь в своём домишке, но слишком мал оказался он для этой цели. Дома побольше, которые уцелели, были заняты районными организациями и учреждениями. Может, на кладбище? Но там поконится прах недавно захороненной дочери. Хотя власти не возражали. А осень 43-го была великопозной: тёплая, без дождей, точно продолжение лета.

Люди, лишённые хлеба, куска хлеба, готовились к зиме: рыли землянки, собирали на полях оставшийся картофель. Фронт стоял в 10 кило-

метрах от Лиозно. Война ещё не окончилась, необходимо было сделать всё возможное для победы. Об этом и говорил в своих проповедях прихожанам отец Савелий. Среди них редко встречались счастливые и преуспевающие. Как правило, к Богу, его помощи прибегают несчастные, убитые горем люди. А горя было много: смерть близких людей, тиф, голод, постоянные налёты фашистской авиации и т. п. Люди откликались на просьбу священника, жертвовали на нужды фронта свои последние средства. За осень и зиму 1943-го таким образом было собрана сумма, которой хватило бы на танк. Отец Савелий стал авторитетным человеком властей, и его приглашали в горсовет на совещание агитаторов. Их работа в ту пору была очень важна, особенно для распространения очередного государственного займа. Агитаторами были учителя, врачи, наиболее авторитетные среди населения граждане.

За Титовым закрепили улицу Колышанскую, где он жил, а на улице Комсомольской, тоже по местожительству, агитатором стала учительница Дonya Степановна Козлова. В сознании жителей Лиозно эти две улицы до сих пор воспринимаются как одна. Оба агитатора, закрепленные за ними, не требовали для себя дополнительной помощи, обычно вдвоём справлялись с распространением займа или лотерей. В то время, как агитаторы других участков говорили: «Дайте мне в помощи-

ки Титова, и я выполню план».

Лично я обычно была прикреплена к улице Садовой или же ко 2-й Свободской, вместе с врачом Григорием Фёдоровичем Дубовцом. Ему пришлось некоторое время отсутствовать в силу своих служебных обязанностей, и на его место назначили отца Савелия. И вот тут я получила большой урок общения с людьми, убедилась в силе агитаторского слова. Ходил священник обычно (вне службы) в простом мирском одеянии. Заходя в жилище, снимал головной убор, здоровался, благословлял «дом и сей живущий в нём», а потом расспрашивал, как хозяин дома уцелел в страшные дни войны, кто и что уцелело домохозяев в это время пали на поле брани. Затем шла беседа о войне. Соглашаясь с тем, что немало страданий пришлось испытать каждому, отец Савелий в то же время отмечал, что на фронте ещё труднее, что войны — наши защитники — испытывают ещё большие моральные и физические страдания, их силы истощились, и все люди доброй воли должны хоть немного им помочь, чтобы окончательно разгромить ненавистного врага. Прихожане соглашались со словами священнослужителя, шли ему навстречу. Но бывали и такие случаи, когда кто-то самодовольно давал им в долг с одной-единственной целью, чтобы те подлились хотя бы на минимальную сумму займа. «Разбогатее — Бог даст, потом отдадите», — говорил он, совсем не думая о том, чтобы ему непременно возвратили деньги.

1971.02.22 М. ЕРМОЛАЕВА,
учительница-пенсионерка.
(Продолжение следует).

(Окончание. Начало в №№ 2, 4).

С наступлением осенних холодов и последовавшей за ними зимой пришлось искать новое помещение. Сначала отца Савелия пригласил к себе в дом местный житель Иващенко, проживавший по улице Т. Дубовку, затем церковь переселился в дом Марии Карповны Алексеевны, жившей по улице Орлова. Прихожан уже после освобождения всего района значительно прибавилось. Естественно, стало поступать и больше пожертвований. В результате был куплен домик по улице М. Октябрьской, в котором и находится до настоящего времени Свято-Вознесенская церковь.

Вскоре отца Савелия сменил прибывший в Лиозно молодой священник — Валентин Цвикевиц. Они между собой не враждовали: напротив, ухаживавший в отставку священнослужитель делился опытом со своим приемником, приходил на помощь при совершении тех или иных обрядов. Но прихожане по привычке доверяли больше старому священнику. И проповеди его были гораздо разнообразнее по содержанию. В них звучали и патристические, и морально-этические, и другие мотивы.

Отцу Савелию приходилось встречаться с населением не только в храме, но и за его стенами — на рынке, в магазинах, иных общественных местах. При необходимости вступал с людьми в беседу.

Причём, в быту этот человек был очень скромным и не требовал особого внимания к себе. Если, к примеру, в магазине случалась возможность совершить покупку вне очереди, он отворачивался, избегая возможности и становился в ряд вместе со всеми: «Я такой же, как и все. Почему бы мне не постоять в очереди?», — спрашивал он.

Война прошла тяжёлым голодом по судьбам многих наших соотечественников. Не обошла она стороной и Титовых. К несчастью, хилый домишко их находился на бойком месте, на перекрёстке шоссе и городской улицы. Постоянно, сворачивая с главной дороги, чтобы сделать небольшой привал, именно здесь чаще всего располагались то вражеский конный обоз, то колонна машин. Спешившись, фашисты отправлялись по домам. Не только, чтобы обогреться, но больше всего для того, чтобы чем-нибудь поживиться. Им было невдомёк, что за два с лишним года военного лихолетья в каждом доме «перевернулось» несколько десятков подобных «гостей» и каждый хватал то, что мог. Правда, в пустых холодных хатах к тому времени уже практически ничего не осталось.

Вот и в доме Титовых подлогу задерживались, привлекаемые иконотасом в углу, такие непрошенные вителиры. Узнав, что здесь живёт священник, требовали золотые или серебряные монеты, крестики с драгоценного металла. Им не верилось, что драгоценностей нет. В тоже время из

угла комнаты на пришедших взирала строгими глазами лики святых образов. Тем не менее, это не мешало мордорам шарить по всем закуткам и даже обыскивать отца Савелия и его супругу, дабы убедиться в том, что действительно, поживиться здесь нечем.

Последние отступающие вражеские части также останавливали на улице свой транспорт, торопливо обшаривали ближайшие жилые строения. Двое офицеров сняли со стены все иконы в доме Титовых, а на просьбу хозяев оставить хоть бы одну из них — венчальную, ответили, что старым надо скоро умирать и икона им не нужна. Это ещё один штрих, раскрывающий сущность характеров тех, кто шёл на восток с именем Бога, чтобы жечь, грабить и убивать.

И ещё об одном испытании, выпавшем на долю Титова, хотелось бы рассказать. Летом 1942 года к нему в храм пришёл человек лет пятидесяти в кожаной куртке и с револьвером на боку. Попросил его обвенчать. Правда, у этого мужчины уже была жена и пятеро детей, которые проживали в Лиозно. Тем не менее, пришедший настаивал на своём. Мол, теперь в стране всё пойдёт по-новому, вот и он решил «обновить» свой брачный союз. Не давая отцу Савелию и слова вставить, достал из кармана бумажку — документ, точнее, съездательство о браке, дающее право на соверше-

ние обряда венчания. Священник всё же возразил мужчине, сказав, что ничего подобного прежде не встречал в своей практике, ведь церковь никогда не благославляла такие браки. Он наотрез отказался совершать обряд венчания. Тогда «жених» разорвал бранью и, не шутя, пригрозил: «Ты, старик, — муха, и я тебя уничтожу, если не желаешь по-хорошему обойтись со мной». Для большей убедительности и устрашения священнослужителя он объявил, что является «бургомистром Уновской волостной управы и может сам расправляться с непокорными. Завтра он приедет к венцу со своим свадебным поездом и если ничтожный старик его опозорит в лице всех гостей, т. е. не обвенчает, то «обещание» он своё выполнит.

Ночь супруги Титовы провели в страхе и молитвах. А ещё отца Савелия мучил вопрос: что делать завтра? Совершать этот противозаконный греховный обряд или нет? Конечно же, умирать, тем более от рук предателя-соотечественника, не хотелось. Пришлось уступить. Венчание состоялось. Но отец Савелий, как он вспоминал позднее, «обойшё» таких «молодожёнов». Пользуясь их невежеством, сначала сотворил молитву о прощении этих двух заблудших людей и лишь затем благославил их нечестивый брак.

Возможно, кому-то из читателей описанный выше эпизод покажется вымыслом. Но этот факт действи-

тельно имел место, что могут подтвердить сторожили из Уно или Лиозно. Этот «жених» после войны был осуждён на 25 лет. В действительности он заслуживал большего, но те, кто мог подтвердить его причастность к казни известных в районе людей во время фашистской оккупации, не смогли явиться на суд. Вернулся А. из заключения в начале 70-х, вновь в свою многодетную семью. Его приняли, хотя и не с радостью. Ведь дтя всю жизнь несли на себе груз отцовского позора. Их уже нет в живых, осталась лишь одна дочь, живёт в Санкт-Петербурге. Есть и внуки.

Что касается самого отца Савелия, то он также ушёл из жизни в конце 70-х годов. Супруга умерла ещё раньше, после чего из Витебска приехал внук, продал домишко Титовых и забрал дедушку к себе. Но вскоре старик снова возвратился в Лиозно, в те места, с которыми у него так много было священной в жизни. Добрые люди приютили земляка: сначала жил у Рудаковых по Шоссейной улице, затем — по улице Фомина у своих бывших соседей. Похоронены Титовы (отец, мать и дочь) в Лиозно, на старом городском кладбище.

В памяти жителей нашего горноселка отец Савелий остался как добродетельный священнослужитель, как гражданин своего государства и как патриот.

1971.02.22 М. ЕРМОЛАЕВА,
учительница-пенсионерка.